

Ханс Кристиан Андерсен Оле-Лукойе

Никто на свете не знает столько сказок, сколько знает их Оле-Лукойе. Вот мастер рассказывать!¹

Вечером, когда дети спокойно сидят за столом или на скамеечках, является Оле-Лукойе. В одних чулках он неслышно поднимается по лестнице, потом осторожно приотворяет дверь и брызжет детям в глаза сладким молоком, – в руках у него маленькая спринцовка, которая выбрасывает молоко тоненькой стружкой. Тогда веки у всех начинают слипаться, и дети уже не могут разглядеть Оле, а он подкрадывается к ним сзади и начинает легонько дуть им в затылок. Подует – и детские головки поникнут. Но это не больно, – Оле-Лукойе ведь ничего плохого не замышляет, он хочет только, чтобы дети утомонились, а утихомятся они не раньше, чем их уложишь в постель. И как только они затихнут, он начинает рассказывать им сказки.

Но вот дети заснули, и Оле-Лукойе присаживается на край кроватки. Одет он прелестно – в шёлковый кафтан; только нельзя сказать, какого цвета этот кафтан: он отливает то синим, то зелёным, то красным, смотря куда повернётся Оле. Под мышкой он держит два зонтика. Один зонтик – тот, что с картинками, – Оле раскрывает над хорошими детьми; и им тогда всю ночь снятся увлекательные сказки. Другой зонтик – совсем простой, гладкий, и Оле раскрывает его над озорными детьми; ну, они и спят, как чурбаны, всю ночь, а утром оказывается, что они ровно ничего не видели во сне!

Вот и послушаем, как Оле-Лукойе целую неделю навещал одного маленького мальчика, Яльмара, и каждый вечер рассказывал ему сказки. Целых семь сказок рассказал, – в неделе ведь семь дней.

¹ Оле, закрой глазки! (датск.)

Понедельник

– Так! – сказал Оле-Лукойе, уложив Яльмара в постель. – Прежде всего я принаряжу комнату!

И вот все цветы в горшках мгновенно выросли, стали большими деревьями и протянули свои длинные ветви к самому потолку; комната превратилась в чудеснейшую беседку. Ветви деревьев покрылись цветами; и ни один цветок не уступал розе в красоте и аромате, а на вкус (если бы только вы захотели их попробовать) был слаще варенья; плоды же блестяли, как золотые. А ещё на деревьях росли пышки, которые чуть не лопались, – так щедро они были начинены изюмом. Просто чудо! Но вдруг из ящика стола, где лежали учебники Яльмара, раздались громкие стоны.

– Что там такое? – спросил Оле-Лукойе и, подойдя к столу, выдвинул ящик.

Оказалось, что это трещала и скрипела аспидная доска: в решение написанной на ней задачи вкралась ошибка, и все цифры готовы были разбежаться кто куда; грифель, как собачонка, скакал и прыгал на своей верёвочке: он горячо желал помочь делу, да не мог. Из тетради Яльмара тоже доносились жалобные стоны, и слышать их было страшно. На каждой странице этой тетради в начале каждой строки стояли рядом большие и маленькие буквы – и те и другие очень красивые. То были прописи. А возле них располагались другие, воображавшие себя столь же красивыми. Их писал сам Яльмар, и они прямо-таки валялись на проведённую карандашом линию, вместо того чтобы стоять на ней прямо.

– Вот как надо держаться! – учила пропись. – Вот так, с лёгким наклоном вправо!

– Ах, мы бы и рады, – отвечали буквы Яльмара, – да не умеем! Мы такие убогие!

– Так вас надо немножко подтянуть! – проговорил Оле-Лукойе.

– Ах нет, нет! – закричали буквы и сразу выпрямились, просто загляденье!

– Ну, теперь нам не до сказок! – сказал Оле-Лукойе. – Будем-ка упражняться! Раз-два! Раз-два!

И он так вышколил буквы Яльмара, что они теперь стояли прямо и стройно, – так умеют стоять только буквы в прописях. Но когда Оле-Лукойе ушёл и Яльмар утром проснулся, буквы снова сделались такими же кривыми, как и прежде.

Вторник

Как только Яльмар улёгся, Оле-Лукойе дотронулся своей волшебной спринцовкой до мебели, и все вещи в комнате сейчас же принялись болтать друг с другом – все, кроме плевательницы; она молчала и про себя возмущалась ветреностью других вещей: ну можно ли говорить и думать только о себе да о себе, не обращая внимания на ту, что так скромно стоит в углу и позволяет в себя плевать!

Над комодом висела большая картина в золочёной раме. На ней была изображена красивая местность: высокие старые деревья, трава, цветы и широкая река, убегавшая мимо роскошных дворцов куда-то далеко за лес, в безбрежное море.

Оле-Лукойе прикоснулся волшебной спринцовкой к картине, и вот нарисованные птицы запели, ветви деревьев зашевелились, а облака поплыли по небу; видно было даже, как скользили по картине их тени.

Затем Оле приподнял Яльмара до уровня рамы, и мальчик ступил прямо в высокую траву. Освещенный солнышком, сиявшим сквозь листву деревьев, он побежал к воде и уселся в маленькую лодку, которая покачивалась на воде у берега. Лодочка была выкрашена в красный и белый цвет, а паруса её блестели, как серебряные. Шесть лебедей, в золотых коронах, надетых на шеи, с сияющими синими звёздами на головах, повлекли лодочку мимо зелёных лесов, где деревья шептали о разбойниках и ведьмах, а цветы – о прелестных маленьких эльфах и о том, что рассказали им бабочки.

Удивительные рыбы с серебристой и золотистой чешуёй плыли за лодкой, ныряли и, подпрыгнув, опять с шумом шлёпались в воду; красные и голубые, большие и маленькие птицы летели за Яльмаром двумя длинными вереницами, комары толклись, а майские жуки гудели: «Бум! Бум!» Всем им хотелось проводить Яльмара, и у каждого была для него наготове сказка.

Да, это было плаванье!

Леса то густели и темнели, то становились похожими на красивейшие сады, освещённые солнцем и усеянные цветами. На берегах реки возвышались большие хрустальные и мраморные замки, а на балконах этих дворцов стояли принцессы, – и все они были знакомые Яльмару девочки, с которыми он часто играл, – они протягивали ему руки, и каждая держала в правой руке хорошенького сахарного поросёнка, – такого редко можно купить у торговки сладостями. Яльмар, проплывая мимо, хватал поросёнка, но принцесса не выпускала его из рук; поросёнок переламывался, и оба получали свою часть: Яльмар – побольше, принцесса – поменьше. У всех замков стояли на часах маленькие принцы, они отдавали Яльмару честь золотыми саблями и осыпали его изюмом и оловянными солдатиками, – это явно были настоящие принцы.

Яльмар плыл через леса, какие-то огромные залы и города... Проплыл и через тот город, где жила его няня, которая нянчила его, когда он был ещё малюткой, и очень любила своего питомца. И вот он увидел её: она кивала ему, махала рукой и пела трогательную песенку, которую сама когда-то сочинила и прислала ему:

Живу я, а мысли мои все с тобой,
Мой Яльмар,
мой мальчик любимый!
Ведь я целовала
твой лобик крутой,
И щёчки, и ротик, родимый.
Я слышала первый

твой лепет, дитя,
Грустила, тебя покидая...
Господь оградит от несчастий тебя:
Ты ангел из светлого рая!

Птички подпевали ей, цветы приплясывали, а старые ивы кивали кронами, поддакивая Оле-Лукойе, словно он и им рассказывал сказку.

Среда

Ну и дождь лил! Яльмар слышал его шум даже во сне; когда же Оле-Лукойе открыл окно, оказалось, что вода стоит вровень с подоконником. Целое озеро! Зато к самому дому причалил великолепный корабль.

– Хочешь поехать, Яльмар? – спросил Оле. – Побываешь ночью в чужих краях, а к утру – опять дома!

И вот Яльмар, в воскресном платье, вдруг очутился на великолепном корабле. Погода мгновенно прояснилась, и корабль поплыл по улицам, мимо церкви, – кругом было сплошное озеро. Наконец он уплыл так далеко, что земля скрылась из виду. В поднебесье летела стая аистов; они тоже покинули родину и направились в дальние тёплые края. Летели они длинной вереницей, один за другим. Аисты были в пути уже много-много дней, и один из них так утомился, что крылья почти отказывались ему служить. Он летел позади всех, потом отстал и начал опускаться всё ниже и ниже. Вот он взмахнул распушенными крыльями ещё два раза, но... напрасно! Вскоре он задел за мачту корабля, скользнул по снастям и – бух! – упал прямо на палубу.

Юнга подхватил его и посадил в птичник к индейкам, уткам и курам. Бедняга аист стоял и уныло озирался.

– Ишь какой! – закудахтали куры.

Индюк надулся что было силы и спросил у аиста, кто он такой, а утки пятились, толкались и кричали: «Дур-рак! Дур-рак!»

И вот аист рассказывал им о жаркой Африке, о пирамидах и о страусах, которые носятся по пустыне так же быстро, как дикие лошади. Но утки ничего не поняли и опять стали подталкивать друг друга и кричать:

– Правда, он дурак?

– Конечно, дурак! – подтвердил индюк и от возмущения надулся и залопотал что-то.

Тогда аист умолк и стал думать о своей Африке.

– Какие у вас чудесные тонкие ноги! – сказал индюк. – Почём за аршин?

– Кряк! Кряк! Кряк! – закричали смешливые утки; но аист как будто и не слышал ничего.

– Могли бы и вы посмеяться с нами! – сказал аисту индюк. – А ведь хлётко я сострил! – добавил он. – Или вы шуток не понимаете? Ну и тупоголовый! Что ж, позабудемся без него! – и он снова залопотал что-то.

Курицы закудахтали, а утки закричали: им было очень смешно.

Но Яльмар подошёл к птичнику, открыл дверцу, поманил аиста, и тот выпрыгнул к нему на палубу, – он уже успел отдохнуть. И вот аист склонил перед Яльмаром голову, как бы в знак благодарности, взмахнул широкими крыльями и полетел в тёплые края. Куры опять закудахтали, утки закричали, а индюк так надулся, что гребешок его побагровел.

– Завтра из вас сварят суп! – сказал Яльмар и проснулся в своей кровати.

Славно они с Оле-Лукойе попутешествовали этой ночью!

Четверг

– Знаешь что? – сказал Оле-Лукойе. – Только не пугайся! Я сейчас покажу тебе мышку! – И правда, в руке у него была прехорошенькая мышка. – Она явилась пригласить тебя на свадьбу: две мышки собираются пожениться нынче ночью. Живут они под полом в кладовой твоей матери. Чудесное помещение, как говорят!

– А как же я пролезу сквозь дырочку в полу? – спросил Яльмар.

– Положись на меня! – ответил Оле-Лукойе. – Ты у меня сделаешься совсем маленьким.

И не успел он дотронуться до Яльмара своей волшебной спринцовкой, как тот вдруг стал уменьшаться, уменьшаться и наконец сделался совсем крошечным – ни дать ни взять мальчик-с-пальчик.

– Мундир можно будет занять у оловянного солдата, – сказал Оле-Лукойе. – Я думаю, он тебе будет впору. Как приятно быть в гостях в мундире!

– Ладно! – согласился Яльмар и, когда переоделся, стал похожим на образцового оловянного солдата.

– Не угодно ли вам сесть в напёрсток вашей матушки? – сказала Яльмару мышка. – Я буду иметь честь отвезти вас.

– Надеюсь, это не затруднит вас, фрёкен? – отозвался Яльмар.

И вот они поехали на мышиную свадьбу.

Проскользнув в дырочку, прогрызенную мышами в полу, они сначала попали в длинный коридор, такой узкий, что здесь только в напёрстке и можно было проехать. Коридор был ярко освещён светящимися гнилушками.

– Как хорошо здесь пахнет, правда? – сказала мышка-возница. – Весь коридор вымазан салом! Что может быть лучше!

Наконец добрались и до того зала, где праздновали свадьбу. Направо, перешёптываясь и посмеиваясь, стояли мышки-дамы, налево, покручивая лапками усы, – мышки-кавалеры; а посередине, на корке выеденного сыра, восседали жених с невестой и ненасытно целовались на глазах у всех. Ну что ж, ведь они уже обручились и сейчас должны были обвенчаться.

А гости всё прибывали и прибывали; и в давке счастливую парочку оттеснили к самому входу, так что никто уже больше не мог ни войти, ни выйти. Зал, как и коридор, тоже был весь вымазан салом; никакого другого угощения не было, а на десерт гостей обносили горошиной, на которой одна родственница новобрачных выгрызла их имена, – то есть, конечно, только первую буквы каждого имени. Диво, да и только!

Все мыши признали, что свадьба удалась на славу и время прошло очень приятно.

Яльмар поехал домой. Довелось и ему побывать в блестящем обществе; правда, пришлось совсем съёжиться, чтобы влезть в мундир оловянного солдата.

Пятница

– Просто не верится, какое множество пожилых людей жаждет залучить меня к себе! – сказал Оле-Лукойе. – И особенно хотят этого те, которые сделали что-нибудь дурное. «Добренький, миленький Оле, – говорят они мне, – мы просто глаз не можем сомкнуть, лежим без сна всю ночь напролёт, и нас окружают наши дурные дела: рассядутся, словно гадкие гномы, по краям кровати и брызжут на нас кипятком. Хоть бы ты пришёл и прогнал их, Оле, чтобы мы могли покрепче уснуть; а уж мы бы тебя вознаградили! – добавляют они с грубоким вздохом. – Ну, спокойной ночи, Оле! Деньги на окне!» Но я ни к кому не прихожу за деньги, – заключил Оле-Лукойе.

– Что будем делать сегодня ночью? – спросил Яльмар.

– Не хочешь ли опять побывать на свадьбе? Только не на такой, как вчера. Большая кукла твоей сестры, та, что одета мальчиком, – её зовут Герман, – хочет повенчаться с куклой Бертой. Кроме того, сегодня день рождения куклы, и ей готовят много подарков.

– Знаю! Знаю! – сказал Яльмар. – Как только куклам понадобится новое платье, сестра сейчас же празднует их день рождения или свадьбу. Так она уже раз сто проделывала.

– Да, а сегодня ночью это будет в сто первый и, значит, в последний раз. Оттого и готовится нечто необыкновенное. Взгляни-ка!

Яльмар посмотрел на стол. На нем стоял картонный домик с освещёнными окнами, и все оловянные солдатики держали ружья на караул. Жених с невестой в задумчивости сидели на полу, прислонившись к ножке стола; да им и было о чём задуматься! Оле-Лукойе, облачившись в бабушкину чёрную юбку, перевенчал их, и вот вся мебель в комнате запела на мотив марша забавную песенку, которую сочинил карандаш:

Пускай к невесте с женихом
Примчится наша песня в дом.
Горды собой, сидят вдвоём, –
Их сделали, взяв пакли ком
И лайкой обтянув кругом!
«Ура! Ура!» – мы им поём.

Затем молодые получили подарки, но от еды отказались – они были сыты своей любовью.

– Ну, поехать нам теперь на дачу или отправиться за границу? – спросил молодой муж.

На совет пригласили опытную путешественницу ласточку и старую курицу, которая уже пять раз высиживала цыплят. Ласточка рассказала о тёплых краях, где зреют тяжёлые виноградные гроздья, где воздух так лёгок, а горы отливают такими красками, о каких здесь и понятия не имеют.

– Но там не растёт наша кудрявая капуста! – сказала курица. – Одно лето я со своими цыплятами жила в деревне; там была большая куча песку, и мы могли в ней рыться и копать сколько угодно. Кроме того, нам разрешили ходить в огород, где росла капуста. Ах, какая она была зелёная! Нет ничего красивее её!

– Да ведь один кочан капусты похож на другой как две капли воды! – сказала ласточка. – К тому же здесь часто бывает ненастье.

– Ну, к этому можно привыкнуть, – проговорила курица.

– Но здесь так холодно, того и гляди замёрзнешь!

– Для капусты это как раз хорошо, – заметила курица. – Да, наконец, и у нас бывает тепло! Вот, например, четыре года назад лето у нас тянулось целых пять недель. А жарато какая стояла – дышать нечем было! Кстати сказать, у нас нет тех ядовитых тварей, какие водятся в тёплых краях. Нет и разбойников. Только отщепенец не считает нашу страну лучшей в мире. Такой недостойн жить в ней! – Тут курица заплакала. – Я ведь тоже путешествовала, целых двенадцать миль проехала в бочонке, – и ничего приятного в путешествии не нашла.

– Да, курица наша – умница, – сказала кукла Берга. – Мне тоже не нравится шляться по горам; только и знаешь: то вверх, то вниз, то вверх, то вниз! Нет, лучше мы переедем в деревню, где много песка, и будем гулять по огороду, где растёт капуста.

На том и порешили.

Суббота

– А сегодня будешь рассказывать? – спросил Яльмар, как только Оле-Лукойе уложил его в постель.

– Сегодня некогда, – ответил Оле-Лукойе и раскрыл над мальчиком свой красивый зонтик. – Погляди-ка вот на этих китайцев.

Зонтик был похож на большую китайскую чашу, расписанную голубыми деревьями и узенькими мостиками, на которых стояли маленькие китайцы и кивали головами.

– Сегодня надо будет принарядить к завтрашнему дню весь мир! – продолжал Оле. – Завтра праздник, воскресенье. Мне надо влезть на колокольню, чтобы проверить работу церковных домовых, которые должны вычистить колокола, а не то они завтра будут плохо звонить; потом выйду в поле посмотреть, смахнул ли ветер пыль с травы и листьев. А уж потом наступит время и для самой трудной работы: придётся снять с неба и почистить все звёздочки. Я их собираю в свой передник и при этом нумерую каждую звёздочку и дырочку, в которой она сидела, чтобы потом разместить их все по местам, не то они будут плохо держаться и покатаются с неба одна за другой!

– Послушайте-ка, вы, господин Оле-Лукойе! – проговорил вдруг висевший на стене старый портрет. – Я прадедушка Яльмара и очень признателен вам за то, что вы рассказываете мальчику сказки, но вы не должны извращать его представления. Снимать с неба звёзды и чистить их невозможно: звёзды такие же светила, как наша земля, тем-то они и хороши.

– Спасибо тебе, прадедушка! – отозвался Оле-Лукойе. – Спасибо! Ты глава семьи, наш родоначальник, но я всё-таки постарше тебя! Я старший язычник; древние римляне и греки считали меня богом сновидений. Я бывал в знатнейших домах и теперь туда вхож и знаю, как обходиться и с большими, и с малыми. Можешь теперь рассказывать сам.

И Оле-Лукойе ушёл, сунув зонтик под мышку.

– Ну уж нельзя и мнения своего высказать! – проворчал старый портрет.

Тут Яльмар проснулся.

Воскресенье

– Добрый вечер! – сказал Оле-Лукойе.

Яльмар кивнул ему, вскочил и повернул прадедушкин портрет лицом к стене, чтобы он опять не вмешался в разговор по-вчерашнему.

– А теперь ты расскажи мне вот какие сказки: про пять зелёных горошин, что родились в одном стручке, про петушиную ногу, которая ухаживала за куриной ногой, и про штопальную иглу, которая возомнила себя швейной иголкой, – сказал Яльмар.

– Ну, хорошенького понемножку! – отозвался Оле-Лукойе. – Я лучше покажу тебе кое-что. Я покажу тебе своего брата, его тоже зовут Оле-Лукойе, но он ни к кому не является больше чем один раз в жизни. А уж если явится, то берёт человека, сажает к себе на коня и рассказывает ему сказки. А знает он их только две: одна из них так прекрасна, что и описать нельзя, но зато другая... нет слов выразить, какая она страшная!

Оле-Лукойе приподнял Яльмара, поднёс его к окну и сказал:

– Сейчас ты увидишь моего брата, другого Оле-Лукойе. Люди зовут его Смертью. Видишь, он вовсе не такой страшный, каким выглядит на картинках, где его рисуют в виде скелета. Кафтан на нём вышит серебром, как гусарский мундир; за плечами развевается чёрный бархатный плащ... Гляди, как он скачет!

И Яльмар увидел, как мчится во весь опор другой Оле-Лукойе, сажая к себе на коня и старых, и малых. Одних он сажал перед собою, других позади, но сначала всегда спрашивал:

– Какие у тебя отметки?

– Хорошие! – отвечали все.

– Покажи-ка! – говорил он.

Приходилось показывать; и вот тех, у кого были отличные или хорошие отметки, он сажал впереди себя и рассказывал им весёлую сказку, а тех, у кого были посредственные или плохие, – сажал позади себя, и эти должны были слушать страшную сказку. Они тряслись в ужасе, плакали и старались спрыгнуть с коня, да не могли, потому что сразу же крепко прирастали к седлу.

– Но ведь Смерть – чудеснейший Оле-Лукойе! – сказал Яльмар. – И я ничуть не боюсь его!

– Да и нечего бояться! – сказал Оле. – Смотри только, чтобы у тебя всегда были хорошие отметки.

– Вот это поучительно! – пробормотал прадедушкин портрет. – Всё-таки, значит, не мешает иногда высказать своё мнение.

Он был очень доволен.

Вот тебе и вся история об Оле-Лукойе! А вечером пусть он сам расскажет тебе ещё что-нибудь.